

Иван Дзюба

ТАБУЛІА РАСА

Иван Дзюба
ТАБУЛА РАСА

«Автор»

2026

Дзюба И.

ТАБУЛА РАСА / И. Дзюба — «Автор», 2026

Жизнью не пройденный путь, всегда прячет в себя начало всех начал! Своё личное мировоззрение, Николай не прячет от внешних действий, а наоборот, старается быть понимающим для окружающих людей. Встречаясь с новыми людьми, он прочитывает их внутреннюю суть и понимает человеческую душу, порою спрятанную под маскою благополучия. В этой книге, вы познаете цель его приключений по родной стране. Быть настоящим и верным человеком, это его жизненное кредо. В любых ситуациях и случайностях, он идёт твёрдо и верно, по выбранном пути! С уважением к читателям –АВТОР.

© Дзюба И., 2026

© Автор, 2026

ТАБУЛА РАСА

ТАБУЛА РАСА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ранним утром, немолодая женщина по имени Евдокия, вошла в дом соседа Николая и увидела его лежащим на полу, рядом с кроватью. Улыбка и восхищение выражались на его лице, как величайшее достижение всех совершённых и не совершённых доселе дел.

– Нагулялся парень, что и до кровати не смог добрести? Вставай, молоко вот к тебе пришло! – и, обойдя лежащего на полу Николая, Евдокия поставила на стол литровую банку молока.

– Поможет тебе восстановиться в силах! Вставай, а то и пол не в дураках, согреть тебя не захочет и простуда тогда станет родней, без отрицаний и наставлений!

Но Николай, лишь лениво приоткрыл глаза и, буркнув, что-то непонятное, повернулся набок и опять уснул.

Всё это было, где-то там, за кулисами жизни, да за тенью, какого-то небытия. Он словно висел в невесомости и слова соседки прогудели, как в пустом ведре старого колодца во дворе.

Он был сейчас в неосвязаемости себя, и тем более соседки Евдокии, которая верно беспокоится за ним, уж, не один истомленный год.

– Вставай, вставай, а то проспишь и всю просыпь, и как тогда быть нашему целомудренному дню, да без такого любимого тебя, что и по ночам найти невозможно?

Николай и на это замечания не вскинулся, даже вздохом: он находился в ином состоянии души и на такие мелкие вопросы отвечать небыло желания и сил.

Мимо прошагали шаги соседки и стихли за дверью веранды в направлении соседского двора.

Вновь тихо заскрипели половицы и кто-то ровно, веско заговорил, но, почему-то, слова отражались только в мыслях Николая.

– «Ты прислушайся внимательно, и по-своему: это же не капля в дожде, а дождь в капле! Так и в жизни твоей всё не в очередь каплет, а пьют лишь лужи твои рваные шаги! А я помогу тебе разобраться во всём, и только так, и иначе быть не может! Я, есть Глафиурий, из безначальных времён! Из внеобъёма жизни и вневаакумных сотворений, которые не ведают начал и окончаний! Но ты, сам того не зная, вызвал меня в себя, ночью этой широкой в твоём понимании! Ты кричал во всю свою мощь, бродя по улице ночной, что мир – это есть только ты! Теперь, этот «ты» лежит на полу, и встать во всю величину ему не под силу! А хочешь, то я тебя вразумлю мгновенно, без воспитания ремнём и познания угла, как в детстве твоём? Отца позабыл, мать вычеркнул из памяти, а я, Глафиурий, то и есть твой настоящий возвратитель всего, что ты сумел позабыть! Я тебе наверстаю упущенный мир, который ты оставил за порогом своего настоящего созидания и бросился в ночную тьму! Там, в этой тьме, где Я есть, и ты будешь, как верный бродитель ночи! И ты станешь сначала Tabula rasa, а потом начнёшь

познавать непознанное в мире скудном, что пылинка, сокрытая от ветра! И всё начнётся с возрождения твоего, а потом горизонта не станет совсем! Ты согласен, со мною, Глафиурием?».

Кто-то легко толкнул Николая в бок и уселся рядом на пол, дыша прерывисто и часто. Николай, и на этот раз не проявил, как говорила тётя Евдокия, просыпа.

Но, этот, кто-то, опять толкнул Николая в бок и прерывисто задышал.

«Всё-таки, я кому-то нужен, или же этот Глафиурий опять решил со мною поиграть? Ну, я ему сейчас заглафиую, что он и сам заблудит в своей ночи!».

Николай, напрягся, и с трудом поднявшись, открыл глаза и удивлённо огляделся вокруг. Рядом, с преданным взглядом, сидел его верный пёс, Ухажор.

– А, Жорик-Ухажорик! Нашёл родного друга своего! Нашёл – и молодец!

«Ну и присниться же, какой-то Глафиурий, что и не знаешь, плакать или хохотать от такого видения! Но голова гудит, как ветер, заблудивший в тишине, и что-то просит эта умнейшая вершительность моего тела. Правильно: просит то, что стоит на столе: молока!».

Вчера он был на свадьбе, чужой и не нужной ему совсем. Но он, Николай, имел аккордеон! Музыку просила эта свадьба! Музыку, и только аккордеонную! И никаких иных музыкальных творений, только аккордеон! Так заказал отец невесты!

– Музыка должна быть живая, а не муть магнитофонная! Иначе свадьбе не бывать, никогда! Только так, и никаких гвоздей!

Сказал жёстко и сильно, как будто он действительно забил гвоздь в души молодых, ожидающих праздника на всю жизнь.

– Вот, Николая Куролеса и позовём! Аккордеон у него есть, да и парень он хоть куда, не то, что некоторые! – и, кинув острый взгляд на жениха, он жёстко добавил:

– Возражений нет? И быть их не должно, ни у кого, что жость!

Об этом Николаю рассказали подвыпившие гости, с явным желанием понравится аккордеонисту.

Свадьба гуляла и плясала до самой высоты темнеющего неба! Кружились, топтались, самые непокорные крепкой самогонке, да настоящим домашним винам из ягод смородин. Прыгали, падали и вновь поднимались не желающие где-то уснуть под кустом, чтоб не пропустить возможность хлебнуть «горячительного» на дармовщину.

До самых безразличных мерцаний звёзд тряслась в пляске эта свадьба. Под дикое горланье хриловатых гостей, да и тех, что заглянули, будто бы по знакомству, визжала эта разнообразность, и всё под музыку аккордеона.

Гудели руки и пальцы Николая от виртуозных клавишных творений. Нот он не знал, а помнил лишь школьные полузабытые «ля», да всякие «до». Но руки сами находили нужные клавиши, и свадьба была от этого в дичайшем восторге!

Месились топающие ноги гостей по облысевшему спорышу, да по еле заметных манжетках, которые в народе назывались «божьей слезой».

– Поддай жару, Колечка-Николечка! Поддай, чтобы и молодые не только рюмки поднимали, а и жизни мир, огромный, как эта свадьба, на всю высоту, и не в дымину! Эх, да где я только не бывал, а здесь, то лучше всех далее невидалых! – вскричал, какой-то человек в странной одежде и сам кинулся в пляс. Рядом с ним топтались молодые и разновозрастные гости, крича и ревя от восторга!

Николай, так и не смог понять, что за восторг исходил от этих гостей. То ли от его музыкальных экспромтов, то ли от выпитого свадебного зелья, которое ещё густо тол-пилось на столах самогонным обилением, среди разнообразных закусок да киселей.

Николай, прижал к себе Ухажорчика и мысленно себя спросил:

«Зачем мне эта свадьба была нужна? Какого счастья я там искал? Вот я, так совсем я! Аккордеонист величайший, который раньше видел аккордеон лишь издалека и в мыслях не мыслил о таком подарке. Но, что же, тогда это было, что? Аккордеон этот мне предложил на

«барахолке» неизвестный человек, только за одно слово, «спасибо». Зачем я согласился его взять? Совсем не понимаю, как это могло произойти: был, словно, чем-то околдован, как в туманном затмении всё это и случилось».

Старый, седовласый мужчина, посмотрел на Николая, разглядывавшего всякие безделушки, грустно вздохнул и хрипло сказал:

– Молодой человек, возьмите это созидание мира, отдаю, что даром! Плата одна: спасибо и обещание беречь это творение силы музыкальной. Я чувствую и вижу, что вы этой силе настоящий верный товарищ и друг. Забирайте, забирайте и по жизни с ним идите, верно, и чётко, что по нотам! – и резко повернувшись спиной к Николаю, исчез в стоящей рядом толпе.

– Да зачем он мне? Я и играть на нём не умею, а ноты, то это тёмный лес!

Этот даритель музыкального инструмента, вынырнул из толпы и, повернувшись к Николаю, крикнул издалека:

– Бери сынок, пока дают! И в лесу есть светлые места! Найдёшь и будешь благодарен тому, что вот перед тобой! И цени это чудо жизни, как свою любовь, которая скоро к тебе придёт! Но, берегись! Не взлетай над ним горделивостью своей, если она, вдруг, да вспыхнет в чувствах твоих! – и растаял в этой человеческой публике, что собралась на этом мелком базарчике, что по-народному звался «блошинный рынок».

Николай успел ему крикнуть вдогонку, не зная, зачем и почему:

– А звать то вас как, скажите?

Из глубины густой толпы, глухо донеслось:

– Так же, как и звали! – и затерялось, среди шумящих людей.

Аккордеон действительно был хорош, и даже не хорош, а изумительно хорош! Он сиял перламутром и вкраплением оранжевых звёздочек, что горели, как звёзды на небесах, успевших оценить тайность сотворения. Белые клавиши, сочетаясь с чёрными, казалось, что прошили: прикоснись, да скорее к нам – ты же теперь наш, и навсегда!

– Давай парень, давай концерт! Да на всю катушку растяни меха! А? И песню о Бахусе подними до высот стаканских краёв, чтобы плескалось из них то, что надо, да в место верное своё! – выкрикнул, кто-то из толпы и дико захохотал!

Но его громко осадили окриком и наперебой друг другу с восхищеньем обратились к Николаю.

– Давай, парень, давай! Растяни душу на всю мощь этого красавца! Не зря же мы здесь собрались, что на праздник этого знатного дня!

И Николай, в каком-то вскинутом экстазе, заиграл на этом музыкальном чуде, которого раньше не держал даже в руках! Он не понимал, зачем и почему собралась вокруг большая толпа людей, и всё играл, и играл, как будто он был действительно созидатель всех нот, да целой вечностью наперёд!

Всё это Николай вспомнил ярко и чисто, как будто он вновь очутился на этом странном рынке. Но молоко выпил с благодарностью соседке и, не забыв сказать спасибо корове Маньке, обратился к Ухажору:

– Ну, что парень мой, кто это здесь меня тревожил? Почему ты это смог допустить?

Пёс, от радости общения, завертел хвостом и гавкнул на весь дом.

– Так-то, парень собачий, так и держать! Никому не разрешать тревожить друга твоего, да лучшего, что значит, меня! Это всё мы разберём до самой неразберихи! – вдруг, почувствовав прилив сил, воскликнул на весь дом Николай.

Он вышел на веранду, взял гантели, что тосковали в углу и направился во двор. За ним радостно побежал и верный друг Ухажёр, прыгая в сотворение раннего дня.

Двор, да кирпичный, мощный дом, красовались на самом краю небольшого городка, под непонятным названием Пристайка. Кто и до кого в нём приставал, то было неведомо никому,

даже всем испокон живущим людям этого странного края. Говорили разное, но Николай этому значения не предавал. Он знал: город жив, он родной и любим!

Гантели, оказались, сегодня тяжелей, чем вчера и Николай посмотрел на утреннее небо, воскликнул:

– Ты небо, тучами по мне не суети, а озари целым снопом лучей от солнца, из-под взгляда своего! Что – не можешь? А я – могу, и точно! Но, как только возьму в руки величайший инструмент, так и смогу, правда, не сейчас! – и радостно засмеялся.

Он знал, чётко и весело, что взяв в руки этот чудо аккордеон, он озарит всю поднебесную повыше облаков, и даже дальше, где звук мечтает о таком музыканте, как он, Николай!

«Постой, постой, Николай ты мой! Этот даритель, то, что мне крикнул, отделившись от толпы? Не взлетай над ним горделивостью! А я, то, кто теперь после таких слов? Правильно и точно: не возносись, а думай, как будешь жить теперь с этим роскошным инструментом! Может, всё-таки отыскать этого дарителя и вернуть такую драгоценную штуку, как аккордеон? Нет, назад он его не возьмёт, если отдал за «спасибо», то видимо была на это сильная причина. Но, что-то я всё-таки упустил от этого вчера! А что? Может, этого мужчину, что был как-то странно одет, который так резво кинулся в пляс? Кто он? Точно, что чужак! По имени его так никто и не назвал. Да и кому он был интересен в этом гвалте, если все тянулись к столам, а потом, причастившись, бросались в дикий пляс. А может, кто-то его и называл по имени, или даже по отчеству, но как я мог это услышать сквозь музыкальные силы аккордеона?».

Калитка во двор легонько хлопнула, и кто-то, протопав по кирпичной тропинке, подошёл к веранде и постучал в дверь.

– Кто это так радостно расстучался? Меня там нет! Я здесь, в своём личном и безукоризненном составе, да ещё и совсем не один! – бросив на траву гантели, громко спросил Николай.

От веранды, осторожно ступая по тропинке, подошла юная девушка, с приятным и очень притягательным лицом. Легонький ветерок, листовая её русые волосы, игриво гулял ими по лицу, словно так и было необходимо всегда.

Николай, удивлённо взглянув на это юное создание, громко воскликнул:

– И это, да в мой двор, кто-то так легко и вошёл? И на каком основании, да ещё и ко мне так вольно заходят? – и, почувствовав огромную неуверенность, он ещё сильнее воскликнул:

– Я сегодня сам не свой, но в себе один, да с другом, вот рядом! И видеть, кого-то, желаний нет, даже с утра! Ясно я выразился, или нет?

Девушка, сдержав улыбку, приветливо взмахнула рукой и весело ответила.

– Ясней некуда, разве что на солнышке! Но звать меня по лунному: Селена! А тебя-то, Николаем, мучитель аккордеонных клавиш? – и засмеялась, да так тепло и чисто, что будто ветерок этот лаской дохнул в лицо Николая.

– Селена! Ну, что ж, лунное имя, так лунное. Но это ближе к ночи, а не в мой ясный утренний мир! А что Николай, то, да, так и есть! – и, подступив к ней ближе, твёрдо спросил.

– И что же лунная жизнь от меня такого земного хочет?

Девушка, взглянув на Ухажора, вдруг тихо, но уверенно сказала.

– Я была вчера на свадьбе, но только под самое её завершение. Так сказать, под самый уход гостей. Лишь немного мне пришлось услышать твои витиеватые мелодии и необычные этюдные виртуозности. Ты меня, уж, извини, пожалуйста, что я к тебе на «ты», но мы ведь, почти что ровесники.

– Вот, что, давай ясней, как на твоём солнце, лунная гостья. Что, да как, мы разберём потом! – и, вспомнив, что совсем недавно сказал Ухажору, «до самой неразберихи», раскованно засмеялся.

– Вот и вижу я такого, как вчера Николая, что меня так и не заметил, сквозь свадебное изобилие неуходимых гостей.

Во дворе, на старой груше, застрекотали две сороки, словно, не поделив что-то между собой в густоте широких ветвей.

Ухажор, сердито зарывчав, оборвал эту сорочью ругань, и, согнав их с веток, убежал следом за ними вглубь сада.

– Ну, вот, мы и вдвоём, неожиданная лунная светлость! – взглянув с интересом, обратился Николай к девушке.

– Твой дядя, вчера, вот что забыл! Держи! – и Селена подала Николаю небольшой пакет.

– Передаю тебе, так как чужого мы не берём! Или это, может, не ваше? Там всё о музыке, да о нотной грамоте, что только и музыканту! – и девушка, улыбнувшись, повернулась и пошла по кирпичной, красной тропинке, унося свою лунную красоту за хлопанье калитки.

За калиткой остановилась, и, помахав рукою, крикнула:

– Мы тебя ждём и сегодня! Непременно – приходи! Это мой личный приказ! – и лукаво улыбнувшись, скрылась за липой, росшей у ворот.

«Какой это дядя? У меня родственник, только пёс Ухажор, да вот, какой-то, сегодня вошедший Глафиурий!», – засмеялся про себя Николай и развернул пакет, сложенный из газеты.

В нём лежали две небольшие брошюрки с нотами и музыкальными ключами на обложках, и три потёртых фотографий, не говорящих ни о чём. На них смотрелся старый дом с камышовой крышей и рядом с ним несколько стоящих людей. Также, позади их, стоял накрытый праздничный стол, на котором возвышался открытый патефон, видимо, играющий мелодию тех лет.

Что за дом, и кто эти люди, имеющие такое старинное чудо музыки, никаких указаний не было.

Николай удивлённо открыл брошюрки и пролистал одну из них. Посреди брошюрки, лежала небольшая записка, с не очень понятным текстом.

«Ты прочти здесь всё, что создано великими творцами, и своими чувствами сохрани для мира творчества! Так есть, и так будет, как и есть, и выше! Да сказал так мир! А фотографии, то о них в иной раз, если будешь понимающий, да вспоминающий!».

«Что за шутку принесла эта девчонка? С какого такого виртуоза я должен это читать? Зачем мне эти ноты, да скрипичные ключи от которых меня воротило ещё в школе? Эх, Николай, так Николай! Взял аккордеон, что в тумане, а теперь хлебать всё это надо при ясном свете! Придётся, всё-таки, идти на эту бесноватую свадьбу, и никаких гвоздей, как сказал отец невесты», – с весёлостью, мысленно сказал себе Николай.

Сороки, опять застрекотали среди веток груши и, не обратив внимания на Ухажора, сердито разлетелись в разные стороны.

– День-то начинается с вхождения не по моему сценарию, – вслух сказал Николай и решил идти на эту ненужную ему свадьбу.

Он зашёл в дом, окинув взглядом своё одинокое жильё и вскинув аккордеон на плечо, бросил Ухажору:

– Ты теперь здесь остаёшься главным! И никуда отсюда, и на мгновение! Держать охрану от всяких ненужных нам субъектов! Пока, мой друг! Цени всё, что нам ценно, до самой бесценности! – и, улыбнувшись от каламбура, двинулся в путь.

Ко двору, где гудела свадьба, идти было не так далеко. Ноги шли, а душа идти не хотела, как будто шептала в разум: «не ходи туда, не ходи, где мы с тобою не вместе, а будто в отчужденье! Как будто бы в единстве, и будто бы, и нет!».

Возле распахнутых ворот, крепко стоял на ногах отец невесты, Степан.

– Молодец, что явился! Ха, ха, ха! С утра самого зажжённого ждём! Такие вещи просыпать нельзя! Горит ведь наша свадьба, без музыки, горит! Вот, даже яблони, мною прищеплённые, тебя заждались! – кивнув в сторону сада Степан, хозяин свадебного двора и заулыбался.

Николай, с трудом сдержав себя, твёрдо ответил:

– Это мне решать, сколько спать или бодрствовать в любое утро!

– Ты где это так трепетно научился играть? Откуда такое добро прихватил? – ухмыльнувшись, этот доморощённый «мичурин», указав на аккордеон.

– Так, пришлось, по случаю! – уклончиво ответил Николай и добавил:

– Если вам моя музыка не нужна, то звать было незачем.

– Почему же! Очень даже нужна, и не только мне. Вот, погляди-ка сам, сколько гостей в ожидании. А слова мои близко к сердцу не принимай: не хлопик ведь, как некоторые женишки, а теперь мужьячки! – и, вновь, ухмыльнувшись, крикнул на весь двор:

– Всем встать из-за столов и приветствовать лучшего нашего человека с музыкой!

Николаю этот второй день свадьбы был совсем ни к чему. Но его привело, какое-то смутное чувство, что он здесь обязательно должен быть.

«Кто меня сюда позвал, кто? Эта синеокая, что с лунным именем? Да, за такой, хоть куда можно бежать, но только не мне. Тогда же, кто всё-таки позвал на этот свадебный пир, который мне, почему-то, ни к чему?» – зачастила мысль, пульсируя в такт сердечного стука.

Он прошёл к скамейке, на которой вчера так усердно выводил мелодии на этом аккордеоне, что сейчас легко висел у него на плече.

– Во! И музыка шикарная пришла, да ещё и не одна, а с тем парнем, что вчера! А давай-ка, да подвесели ты наш свадебный узор, да подними до высоты высот, что выше, чем за чаркой огня! Эх, да мудрено-то, так с утра, да сил набраться под музыку великих времён и будущих, тоже! – выкрикнул немолодой мужчина, с бубном в руке.

Гостей было, как вчера, полным-полно. Казалось, что они так и не уходили по своим домам, а так и пировали на этой свадьбе всю ночь, до самого утра.

Но, Николай, взглянув на всё это, решил сегодня не играть, да ещё и под бубен.

– Регистр запал и музыку сегодня ждать не придётся! – крикнул он этому разнообразному застолью и, повернувшись к воротам, пошёл со двора.

Следом он услышал тишину, и ни единого крика от притихших гостей в его сторону. Только, кто-то, вослед, не удержавшись, крикнул:

– Давай, поправляй свой регистр, а мы поправим – свои! – и загоготал, но не зло, а дружелюбно, по-свойски.

«Уходим, скорее, уходим от таких свадеб! Как надоело всё это терпеть! Уехать, что ли из этой Пристайки? А что, может, так и надо сотворить, что дело высшей категории? Время моё пришло, чтобы махнуть, куда жизнь зовёт, да не маркая, а настоящая, как мой аккордеон? Ведь был я совсем недавно в необычном военном отряде, может, опять туда? Чем больше проблем, тем больше в жизни позитива! А эта возня в доме, где я, да мой Ухажёр, то, что меня там ждёт? Этот, что утром явился во мне, как творитель какого-то спасения? Или же явиться ещё кто-нибудь с высоты моей тишины? Да, и о чём это я? Но, если я и махну за края разумности, то, куда же денется мой друг собачий? С кем его оставить? С тётей Евдокией, или забрать его с собой? Но куда и в какие края занесёт обдуманность моя необдуманная? Тишина ночная и та ярче мыслей моих, чем сейчас!».

От свадьбы донеслись громкие удары бубна и растяжные звуки гармонии.

– А я то, ждала ажурную вязь мелодий, да мягких переливов. Не уходи, Николай, не уходи. Гармонь эта, всего лишь запись в магнитофоне. Ты нужен здесь, не уходи. Тебя здесь очень ждут! И не только эти праздничные гости: потом поймёшь, если, конечно, останешься! Я буду очень рада живой музыке, которую люблю с детства.

Откуда она появилась, Николай не успел заметить и, напрягшись, ответил:

– Вот, что лунная жизнь! Я сюда шёл не затем, чтобы смотреть на хмельные лица гостей, да и всех прочих. Не за этим я сюда пришёл, а по твёрдому убеждению быть полезным людям,

своей сутью и личностью! – ответил ей Николай и почувствовал в своих словах высокопарность, он жёстко замолчал.

– Вернись, Николай, вернись! Развесели своим аккордеоном эту свадьбу, что бывает в жизни только один раз! Остальные, если и будут, то это уже вторичность, Колечка ты наш единственный! – растянув улыбку на всё приятное лицо, воскликнула эта синеокая лунность.

Николай повернувшись, взглянув на застолья во дворе и, лихо, взмахнув головой, ответил:

– Да регистр то я уже поправил и теперь могу пройтись по клавишам легко, без учёта желаний присутствующих гостей, званных или не званных! Но обязательно без этого бубна!

– Вот и хорошо, Николай! Я знала, что ты поймёшь! А бубен этот, на чердаке валялся, да с каких времён, то знать никто не знает! – и, вдруг став серьёзной, Селена, взглянув ему в глаза, тихо сказала:

– Ты, только, сегодня не пробуй зелья свадебного! Да, никакого! Хорошо?

Ответить ей Николай не успел. От дальнего, стоявшего возле вишни стола, раздалась разливная песня. Задорная, и внезапная, да такая, что Николаю не захотелось даже играть на аккордеоне. Так чисто и ярко запел её мужчина, тот, что вчера был одет, как-то, совсем не так, как другие.

Когда на свадьбе был впервые,
Не на своей, а на чужой!
Слова взлетали расписные,
За высоту, за летний зной!

И небо верностью взлетало,
И солнце грело свысока!
Ведь свадьба горькостью сияла,
И поцелуи – на века!

И чарок звон хрустальной силой,
Всю наполнял любовь до дна!
Чтоб жизнь была любовью дивной,
И веселилась без вина!

Мужчина, встав за столом и подняв стакан вверх, сильным голосом провозгласил:

– За молодых поднимем чарки да стаканы, чтоб не старели от любви! И помнили о том, какие-то бывали, на свадьбе знатной времена!

Гости, от такого горячего тоста, с восторгом подняли свои стаканы и потребовали немедленной музыки, для полноты особых великих чувств.

От гостей, отделившись, тяжело подошёл Степан.

– Ты, что же, Николай, уходишь, так и не подвеселив моих гостей? Ну, так уж, нельзя! Не по добру это, и не по-людски! Парень ты отличный, но не подводи! Ты меня знаешь: я добро помню всегда! Вот, племянницу мою спроси: она-то знает, что я ещё в силе по жизни человеческой! А жизнь, ведь, не всегда и сахар, и тоже может растаять, да поплыть неизвестно куда!

– Я и не уйду, пока! Вот, регистр поправил, и теперь я готов на все сто тысяч лет наперёд, как перед миром, чистым и ясным, как свадьба ваша!

– Ну, ты, Николай и парень! – захохотав от восторга и вытерев глаза, Степан выдохнул:

– Такой вот зять, как ты мне и нужен! Разведу их к чёртовой матери, разведу! Так, что не опоздай, гармонист ты наш родимый! – и опять громко захохотав на весь гуляющий двор, пошёл к столам, потом, обернувшись, крикнул издалека:

– А может, вот, нашу ясновельможную синеоченьку, да пригорнуть к твоему аккордеону? И ты, тоже, уже мне зятёк, да такой, что надо? А?

Свадьба была, как свадьба, такая, как и вчера. Но Николаю, показалось, что здесь всё не так, как в прошлый день. А что не так? Что? Слова этого Степана, городского жителя, непонятного покроя? Нет, что-то другое, зовущее притягательной силой, да такой, что и уйти от неё нельзя, как и от этой, ненужной Николаю свадьбы.

Он вскочил ногами на скамейку и, растянув меха аккордеона, заиграл нахлынувшую мелодию, которую и сам ещё не знал. Она понеслась по всему праздничному двору, пронзая хмельные души гостей, без тяжести и вязкости, взлетала в удивлённые небеса. Слова неизвестной песни, неожиданно для самого Николая, откуда-то, из неясного себя, вдруг, разлились по двору, как высшее предназначение миру и всему чистейшему, что есть везде и всюду!

Николай, был словно в каком-то созидательном полёте, который выплескивал эту песню, тревожа всех гостей за столами своей необычностью и трогательностью.

Слёзы лились дождём из глаз Николая от неясных чувствительных слов, этой ворвавшейся в него песни. Сквозь эту слезливую пелену на него глядели широко раскрытые синие глаза. Из них, тоже, с огромным восхищеньем, сверкала влажная синева. Руки, этой девчонки под лунным именем, казалось, танцевали над её головой в такт аккордеонной музыки.

«Неужели это и есть то, что небыло вчера? Может это и звало меня на эту свадьбу, или, что-то иное, более зовущее в беспроглядность моей души?», – сквозь песенный порыв, сверкнула жаркостью мысль.

Сомкнул аккордеон свои меха и смолкла музыка, и улетела в бесконечную даль трогательная песня, и от неё вошло в застолья, что-то, тихое и мягкое, как самая чистейшая новизна миров.

Замолчавший, от этой удивительной песенной необычности гуляющий народ, вдруг, загудел, заговорил, да так сумбурно, будто с неба упал метеорит, или даже целый болид неведомого им вещества.

– Вот это дал нам концерт, так дал! Парню призовую налейте, да побольше! Но чтобы клавиши свои умел находить! Небо вот разбудил-то как! Засияло всеми ясностями, да прямо в свадьбу нашу, что и спора нет! Загляденье-то, целое! Акварель, не иначе!

Утро давно уже покинуло своё предназначение и уступило середине дня. Всё непонятное и разнообразное в этом дворе, вдруг стало общим, ясным и приятным. Летал между столами тихий говор людей, и шелестела листва единственного тополя возле скамейки Николая.

«Как всё изменилось вдруг, как будто по волшебству! И от чего это так? От моего аккордеонного всплеска, да под песню неизвестно кем вкинутую в меня? Ух! Я так здесь и с ума могу сойти! Неужели я таким оказался, что и слёзы хлынули из глаз? Я, такой беззаботный, да бесшабашный, всеми на виду, что и прозвище заслужил, как Куролес?».

– Я в хорошем смысле говорю об этом! – где-то громко заговорил Степан и под густоту разговоров, прибавил:

– Таким парням, как Николай, цены нет! Ни здесь, в нашей Пристайки, да и нигде таких, если поискать, то и найти невозможно! Все согласны со мной, уважаемые гости дорогие?

– Да, Степан Васильевич, да! Да ещё и как, да! Такого музыканта, как он, если поискать в любых краях – не найти! Вы сказали это точно в цвет! – донеслась от далёкого стола.

Все остальные, похвалив Николая, пожелали ему благих музыкальных дел, и прочих увеселительных творчеств.

Но Степан, вдохнув на полную грудь и громко, на весь двор, выкрикнул:

– Всем, да беспрекословно всем, выразить нашему аккордеонисту почёт наивысший и глубочайшее уважение за такое представление! – воскликнул Степан, и взволновано вытер лицо ладонью. Потом, подошёл к Николаю и, подняв руки вверх, продолжил:

– Куролес ты Коля, да ещё какой! Уж, чего-то я не ожидал, так это слёз от мужиков, да и от тебя тоже. Ты парень крепкий нервами, но здесь рванулся в слезу! Что, так достало одиночество в доме огромном? Да и племянница моя не сдержалась! Вот её и засели в свою обитель, до самой радости, что сейчас редкость. Вот, девчонка с тебя глаз то и не сводит! Точно! Не смогла! А крепкая она у нас, да ещё как! Ты, Николай, к ней присмотришь, не пожалеешь! Она у нас недавно, но силу свою уже успела показать! – и, опять захохотав, пошёл к гостям, которые всё ещё обсуждали песенный порыв Николая.

«К чёрту всё это, к чёрту! Бежать отсюда, пока меня не измучили до дна! Уйти, или остаться, и махнув на всё рукой, блистать своим временным успехом, что не снился даже во сне? Смех и горе от таких взлётов перед самим собой! Ужас! Ты кем становишься, Николай? Кем? Самовлюблённым идиотом, что пройтись по клавишам, и всё? Праздник для погашения души? А о чём мне говорила тишина, да не этим Глафиурием, а настоящая, живущая в доме моём? Только, не об этом праздничном удалстве, где я, как последний даритель самому себе уверенность, что я и есть самовеличие творчества миров?».

Словно в тумане подошла Селена и, притронувшись ладонью к плечу Николая, тихо и нежно прошептала:

– С тобой хочет поговорить мужчина, тот, что песню исполнил, так неожиданно и сильно. Он просил, чтобы я об этом тебе сказала незаметно, тихо и только одному. Он будет тебя ожидать за следующим домом, как ты пойдёшь домой. О чём к тебе разговор я не знаю, но человек он серьёзный и вижу честный. А сыграл ты Колечка, на высший сорт! А песня, то и слов нет! Откуда такая лёгкая и в тоже время жаркая, ну, точно, как я! И спать-то, теперь, мне как: с песней этой? – и рассмеялась, так трогательно и легко, как тот ветерок, что гулял по её лицу во дворе Николая.

Подошёл Степан с озабоченным и в тоже время растерянным лицом.

– Вот что, Николай, такое, вот, дело ещё есть. Ты парень сильный и к тому же не глупый, а жить-то надо, да с размахом! Правильно я говорю? Так вот, слушай! Здесь, недалеко есть забегаловка, ну, такое кафе. Вот один и был у меня на свадьбе, только что ушёл. Гулял, пил, да так, что будто в своей забегаловке был на диете, а здесь дорвался до свободы питья. Очень ты его поразил своим выступлением. Так он пристал ко мне, как банный лист, сам знаешь до чего. Уговори этого аккордеониста, чтобы он в его кафе такие концерты выдавал. Говорил, что не обидит. Вот, такие-то дела, Николай. Как ты на это смотришь? Деньги-то нужны всегда: как без них в наше время? Нельзя! Думай, Коля, думай! Совет давать я тебе не стану, не маленький! Вот это я тебе и хотел сказать напоследок. А теперь, вот от наших молодых, тебе презент! Так сказать, за труды доблестные, от блага будущей семьи, растуды её совсем! И возьми, не огорчай меня и так огорчённого от этой бесконечной свадьбы.

Степан кинул на аккордеон несколько крупных денежных знаков и грустно вздохнув, зашагал к оставшимся догуливать гостям.

«Вот аккордеон и принёс мне доход. Как сказал только что Степан: растуды его совсем. Осталось, только присесть, где-нибудь, на перекрёстке путей непутёвых, с истрёпанной фуражкой на тропинке, и растягивать меха за эту деньгу! Ну, нет, Николай! Я создан материей мира всевышнего не для таких легковесных дел! Решено, и бесповоротно! Уходим, уходим с этих пристайных мест, в жизнь свободы и бесконечности, величайших дорог!».

– Николай! Ты чего это замолчал и не ответил моему дяде о кафе? Что, решил стать в забегаловке аккордеонистом? Не поверю, Коля, даже и на одну единственную ноту, что ты сыграть там захочешь.

– Ты права, Селена! Такие кафе, да и все, не по мне, и ни к чему! Есть у меня важнейшие дела, чем развлечение подвыпивших людей.

– Но, ты же, сейчас развлекал, Коля, да целую свадьбу? И что, теперь решил уйти? А почему так рано?

– Зачем мне здесь больше быть? Деньга, вот, в руке, и я теперь богач, больше, чем можно вообразить! Но прислушайся лунная жизнь, и ты здесь услышишь иную музыку: звон стаканов, да шарканье бессмысленных слов, и это, тоже, не во мне!

– Да я их здесь слышу постоянно, как только ступила впервые в эти владенья. Мамы моей родина здесь. Мамы уже нет, а вот родина ещё осталась, такая, как есть, – тихо ответила Селена и закрыла лицо рукой, как от чего, страшного и невозвратного.

– Слезы, да на свадьбе? Отчего-то так, неудержимо?

– А кто же только, вот, да на скамеечке умывался, что дождём? – и рассмеялась, эта девчонка, разливом по двору. Потом, хлопнув в ладошки, прибавила:

– Я к тебе, Колечка, утром загляну, насколько ты разрешишь! Хорошо? Так, что, не пропусти, аккордеонист наш величайший! – и лукаво сверкнув глазами, растаяла в густоте гостей.

От застолья, махнув рукой, подошёл озабоченный мужчина и, горько вздохнув, твёрдо произнёс:

– Ты парень, высший сорт, и быть иначе не может! Играешь так, что душу рвёт на куски! Всё, что здесь мне по нраву, то это твоё музыкальное представление. Вот, выпей за молодых, да за их бесконечное счастье, что, как я вижу, ему не бывать никогда!

– Нет, мне этого добра не надо, хватит вчерашнего.

– Ты меня извини, парень, но я отец жениха, ну, а теперь, вот, мужа. Переживаю я за него, очень! Молод он ещё до семейной мучительности, молод! Выпей, очень тебя прошу! За это, чёрт бы его побрал, призрачное счастье! – и подал на тарелке большой фужер, наполненный мутноватой жидкостью.

Николай, посмотрел мужчине в глаза и решительно выпил всё, до самого дна. Потом, окинув взглядом этот сумбурный двор, махнул рукой, сам не зная кому, и зашагал прочь от этого хмельного праздника, что с распахнутых ворот гудел застольным говором гостей.

«Нужен был я здесь, только развлекателем, что подвластно для любой свадьбы. Больше на такие праздники – никогда, по любой просьбе!».

Возле старого дома, стоял мужчина, который так вывел песню на весь праздник, и махнул Николаю рукой.

– Подожди, парень, подожди. Я тебя проведу, немного, чтобы шаг был верный и твёрдый, как сама жизнь! Надеюсь, что ты не против такой жизни?

– Я свой шаг в обиду не даю! Мы с ним равномерные друзья и даже родственники. Так, что, если у вас ко мне разговор, и серьёзный, то идёте ко мне домой. Но это, если раз -говор ваш верный и твёрдый, как сама жизнь. Я ведь, иных не воспринимаю, как верность.

Мужчина, улыбнулся и ответил:

– Хорошо, Николай! Я согласен: домой, так домой!

Они, молча, прошли остальной путь к дому Николая.

– Да, парень! Это и есть твоё хозяйство? – и, загадочно улыбнувшись, посмотрел на дом и прошёл в сад.

– Какой у вас ко мне разговор, мужчина? О хозяйстве, или о безхозяйстве, что здесь сияет вокруг? – недовольно спросил Николай мужчину, что так вольно прошёл сад.

– Сад был, а вот дом этот, то я с твоим отцом и строил, да и все строения, что здесь, тоже. Вот такие дела, молодёжь! Меня ты, видимо, не помнишь, совсем, как я вижу? Было тебе тогда годика три, но резвый был, да такой непоседа, что отец твой, даже в угол ставил, правда, шутя! – сказал, улыбаясь, мужчина и подал руку для знакомства.

– Я – Ранькин! Звать Александр Григорьевич! Для твоего отца, я был, просто, Сашка! Фотографии ты посмотрел, и видимо, не понял ничего?

– Вы знали моего отца? – ошарашено спросил его Николай.

– Знал, и знаю давно! Но давай войдём в твои хоромы и посмотрим на владения изнутри. Они вошли в дом и Николай подумал:

«Зачем я его привёл сюда, зачем? Отца захотелось найти? А отец сам, что сумел только бросить его на произвол судьбы, да и мать, тоже?».

– Не думай Николай плохого ничего! Это – жизнь, и бывает в ней всё, что и загадать нельзя! С этим, Николай, всем и всегда непросто!

Вспомнилось, почему-то, вдруг, как этот Глафиурий сказал, что он наказывался ещё и ремнём, и он, давя в себе слова, спросил:

– Меня, что, воспитывали ещё и ремнём? Но мать моя светлейший человек в мире, – сказал Николай и подумал:

«Да, но на могиле матери, то я давно и небыл, это точно! Отца своего я помнить бы даже не посмел, так как не помнил его никогда. На вопрос к матери о нём, то получил ответ: «Об этом хватит, и не повторяй больше! Скажу одно: был какой-то непонятный человек, да и всё! Забудь о нём навсегда, и всё: я же забыла!».

Надо сходит на могилу, это точно. Крест деревянный и может скоро упасть, так что думай Николай, как быть с этим делом».

Но эти мысли перебил вопрос Александра Григорьевича:

– А мать-то твоя, где сейчас? В какие края её занесла судьба, если ты живёшь один? Так, ведь, один?

– Попала под автомобиль, спасая ребёнка, давным-давно, и – всё!

– Ребёнок этот, видимо, уже взрослый человек, и выразил тебе своё сожаление, или нет?

– Выразил и выражает постоянно!

– Как это, постоянно?

– Потому, что этот ребёнок – я! – отвернувшись от него, жёстко ответил Николай.

– Прости, парень, за бестактный вопрос, но я этого не знал.

Как будто, кто-то вонзил в грудь огромный штопор и вертел им, вертел, с вопросом:

«А надо ли так вот, жутко, да неожиданно спросить?».

– Всё? Вот вы меня и ждали возле старого дома с этими вопросами? Так знайте, что я занят и времени у меня немного!

– Николай, не заводись, а выслушай. Хочешь знать, где твой отец, то я и сам этого не знаю. Исчез, пропал в лесном краю и никто его не сумел найти. Не так и давно, а в том году. До исчезновения, он со мной общался постоянно, как только я мог находиться недалеко иди рядом. Тебя и свою жену, твою мать, он помнил всегда и очень сожалел, что от вас ушёл. Причины я не знаю, но знаю точно, что он вас любил.

– Зачем вы мне это говорите? Мне он совсем ни к чему, и слушать о нём, то это пустая трата времени. Тем более, что я уйду из этих мест, в дали-дальние, отсюда не видальные!

– Ну, что ж, не хочешь, то это дело твоё. А книги, то это я попросил девчонку тебе передать. Я заметил, что ты играешь ярко, но не слитно, а как бы с разрывами нот.

Извини, Николай, что передал книги, да записку написал непонятную. Хотел тебя этим удивить, но, вижу, что ошибся. А отца, то ты, всё-таки, можешь сам поискать, если, конечно, желание есть. Местность, приблизительно я могу тебе указать. А чтобы его сразу опознать, то на левом виске имеется шрам: когда-то покушались на его нелёгкую жизнь.

– Вы песню спели, хорошо! Но ваше предложение мне, ни к чему! Прислонить я его не могу, даже к дверному косяку, который крепок, как смысл невероятности в пустой бочке! А шрамы, то они есть и на павших деревьях, и даже на засохших кустах! – жёстко ответил Николай.

Александр Григорьевич, взглянул на Николая и непонятно ответил:

– Мир удивительно восторжен, как глаз соседки в замочной скважине! Только, это хорошего жизни не даёт! – и сдержано кивнув головой, пошёл к двери. Потом, обернувшись, спокойно произнёс:

– Ты говоришь, что уходишь из Пристайки? Если, да вдруг, тебе в пути встретится озеро Синенькое, то знай, что там, где-то и исчез твой отец. Если станешь искать, то направляйся в сторонку севера, от городка Сизый Луг. На этом, прощай и обиды на меня не держи!

«Ну, вот и отец будто бы появился, и сразу будто бы и нет! Ухолом завтра, уходим на поиски приключений и самого себя! Тёте Евдокии оставлю друга своего, Ухажора и, также, любимый, вернейший аккордеон».

Он вспомнил, что Селена, эта лунная жизнь, будет рано утром.

«Но она придёт завтра, а сейчас надо пойти к тёте Евдокии и рассказать о своём решении. Вот, Коля, тебе и есть маршрут, куда и зачем настроить свой неизмеримый путь!», – усмехнулся Николай. В это время, кто-то в дверь веранды постучал, и вошла сама тётя Евдокия.

– Здравствуй Коля! Гостей невиданных начал принимать? Что этот, что только ушёл, от тебя хотел? Зачем он явился сюда? Ты хоть знаешь, что это за человек?

– Сказал, что строил этот дом вместе с моим отцом. И зовут его Александр Григорьевич.

– Дом, то он строил, но и развалил жизнь твоей матери с отцом, тоже. Это из-за него и ушёл твой отец. Человек он будто и неплохой, но, вот так всё и случилось. Я точно об этом не знаю, но что-то разорвалось в твоей семье от появления этого Сашки. Ты ему-то особенно не верь: он всегда летал в заоблачных небесах. Болтун он был большой в те времена, а сейчас, то бог его знает.

– Тётя Дуня! Я завтра уйду на поиски отца! Хочу ему в глаза взглянуть и спросить, зачем он покинул нас с матерью? Ухажора, я оставляю дома, а вот, аккордеон, то вас прошу запрятать в себя, да верней! Сможете, тётя Дуня? Вы, ведь, для меня вторая мать!

– Может, не пойдёшь, да ещё и неизвестно куда? Мать твоя мне запретила о нём рассказывать: сказала, что это ни к чему. А отец-то твой, когда жил здесь, то был неплохим, а сейчас, то кто ж его знает! А ты, Коля, как это так, сразу, да пойду, и всё? Была армия, пришёл, и что теперь, опять?

– Жизнь моя требует это, жизнь, тётя Дуня! А я жизнь люблю и верю ей! Утром, ко мне придёт племянница Степана, где я играл на свадьбе. Так вы разрешайте ей сюда приходиться, и ключ ей дайте, если это будет необходимо! Хорошо? Я сейчас схожу на мамину могилу, а потом до этого Степана. Дело у меня к нему. Утром я к вам зайду и в путь-дорогу, восторженную и дальнюю!

– Эх, Коля, Коля! Зачем тебе это всё? Ну, что ж, зайди, зайди, – и Евдокия, молча, пошла в свой дом.

Николай, позвал Ухажора и пошёл с ним на кладбище, которое было на опушке недалёкого леса. Положил на могилу матери букет домашних цветов и сказал:

– Здравствуй мама! Прости, что долго к тебе не приходил, но это моя глупая молодость гуляла по ненужным местам! Я постараюсь, бывать чаще! А сейчас я пойду к Степану Васильевичу и попрошу его поставить тебе памятник. Ты, уж, меня не обессуди и не ругай, что я решил завтра пойти на поиски отца. Посмотрю, что это за человек, и спрошу, зачем он сбежал от нас.

Он поправил наклонившийся крест, поклонился могиле и, погладив Ухажора по холке, покинул кладбище.

Свадьба во дворе Степана, гудела всё также.

– А где же твой инструмент, Коля? – радостно пошёл ему навстречу, Степан.

– Дома оставил! Я к вам по своему личному делу, Степан Васильевич.

– Коля! Для тебя я сделаю всё, что в моих силах и даже выше, чем в силах! Ну, растолкуй мне усталому от этого гуденья, что за дело такое, что явился так быстро? – и, горько улыбнувшись, посмотрел в сторону шумящих гостей.

Николай достал с кармана купюры, те, что раньше бросил на аккордеон Степан и, твёрдо глядя ему в глаза, произнёс:

– Я завтра уйду по делам, и есть у меня к вам личная просьба. Надеюсь, что это для вас не проблема.

– Ну, давай свою не проблему, а то, вот, как поглядывают на нас гости. Может, ждуть твой аккордеон? Или от меня добавочки к жадности ртов? А? Ха-ха-ха!

– Степан Васильевич! Просьба у меня одна: поставить памятник на могилу моей матери, желательно, каменный, или, что-то похожее на это. Вот вам деньги, те самые, но если надо ещё, то возьмёте в тётки Евдокии.

– Коля! Убери деньги, убери! Ты их заработал усталостью своих рук, да и нервов! Я всё это видел и понимаю, да ещё как! Мы с твоей матерью учились в одном классе и были хорошими друзьями. Так, что этого мне не надо, даже среди зимы! Не переживай,

Коля, за это дело! Всё будет сделан, по высшему разряду! Если Степан сказал, то так и будет! А вот, наша синеоченька, что-то притихла и стала задумчивая, после твоего ухода. А почему, Коля, почему? Я всё вижу и понимаю, чтобы, кто-то обо мне не думал! Всё будет сделано, Коля, не переживай! И надолго ты блудить собрался?

– Не знаю! Как надоест – вернусь!

– Если, что-то не сложится, то дай мне знать: поддержу! И жду в гости, после путей-дорог! – с этими словами, Степан ровным шагом пошёл к застольям.

Николай, посмотрел на этот праздничный двор и увидел Селену, которая радостно махала рукой и быстро двигалась к нему.

– Коля пришёл, Коля! Не ожидала, никак, не ожидала! Привет, Колечка, привет! Я так рада тебе, что и слова хорошие вылетели прочь! Но ты молодец, а я, вот, не очень.

– Почему, не очень? Ты же лунная, небесная, настоящая, и без этого, не очень.

– Мне дядя, только что сказал, что ты уходишь куда-то, да ещё и завтра. Я так хотела с тобою подружиться, а ты, вот, в бега!

– Можно я тебя буду звать – Лена? Так удобней и приятней, чем по этому, лунному! – спросил её, улыбаясь, Николай.

– Я всем здесь строго приказала: только Селена и никак не по-другому! Но, тебе, Коля, я со всей душой, да! И множество раз, да! А куда ты собрался, да так неожиданно? Что, может эта свадьба тебя подтолкнула в эти пути неизведанные? Или, куда так заторопилось твоё желание избежать знакомства со мной?

– Нет, Лена! Объявился след моего отца, вот я и решил его поискать. Но это между нами, хорошо? Утром я пойду из Пристайки, но в какие края, пока ещё не знаю. Только, чуть-чуть обозначил в себе маршрут, остальное в пути.

– Это тебе этот мужчина, что песню спел, дал такие сведения?

– Давай об этом мы не будем. Я соседку, тётю Евдокию, попросил, чтобы тебя пускала в мой дом, если ты вдруг, захочешь там быть. Ухажор, мой пёс, останется дома, но он не злой, если ты, конечно, будешь с ним дружна.

– Я собак люблю и, надеюсь, что и с Ухажором будет обоюдное согласие. Аккордеон-то забираешь с собой?

– Нет, я его оставляю тётке Дуне, но это, тоже между нами. Хорошо, Лена?

Селена-Лена, прижалась к Николаю и тихо прошептала:

– Да, Колечка! Ты только не потеряй меня в этих дебрях, в которые ты утром нацелишь свой путь! Я, Колечка, буду тебя ждать, по-настоящему! А как? То, об этом, придумай сам! – и улыбнувшись, убежала к гостям. Оттуда, весело помахала рукой и послала воздушный поцелуй.

«Ну, вот, Колечка и поцелуй получил, правда, воздушный, а не тактильный! Но будем рады и такому: всё-таки, он приятный! Мир земной на то и есть земной, чтобы желания стремились к их выполнению. Поцелуй поцелуем, но, кто я ей, этой синеглазой девчонке? Самый дорогой и любимый Колечка, или, кто? Что-то я придумал себе, действительно, невероятное! Значит, уж очень хочется жизнь наполнить свежестью впечатлений! И только так, и иначе быть не может, и не может быть! Поэтому, и завтра в путь! А сейчас, необходимо приготовить в дорогу всё, что потребуется в этом, неожиданном предприятии».

Он зашёл по пути в магазин, купил рюкзак и фонарик, так, на всякий случай. Рядом, в продуктовом отделе, добавил консервы, и всё что требовалось в пути.

Возле дома его ожидал сосед Витя, поглядывая во двор.

– А я к тебе ломлюсь, а там защитник громким лаем, да на меня, друга твоего! Он, что, своих уже не узнаёт, Коля? А у меня к тебе дело, да ещё и срочное!

– Витя! Он выполняет свои обязанности, которые я ему поручил! Так, что ты на него не греш! Ну, говори, что в тебя за дело, да ещё и спешное?

– Дело, то дело, да на самое завтра! О тебе такое пошло по Пристайке, что я и поверить не мог! Будто ты стал целым композитором, и не меньше! Завтра свадьба у моих родственников. Да ты их знаешь: Гриша с Верой возноситься хотят, в этом уединённом соединении. Очень меня уговаривали, чтобы ты, как у Степана, их свадьбу отыграл, да на все сто!

– Нет! К чёрту свадьбу, да веселье беспробудное! К чёрту, и – всё! Так и передай, этим своим, что я больше ни на каких свадьбах не игрок! Но, без обид и прочих недовольств! Тем более, что я завтра уйду, как ты сказал, есть дело!

– Да ты что! А как же дом оставить без присмотра! Я то, могу глянуть за ним, но, сам знаешь, сколько упырей вокруг.

– Сможешь, то глянь, а не сможешь, то я сам разберусь, если с ним будет что-то не так! Пока, Витя! Помнишь, как у Джека Лондона: время не ждёт! А за домом, то посмотрят: есть кому!

Он помахал Вите рукой, зашёл в дом, взял аккордеон и пошёл к тётке Дуне.

Постучал легонько в дверь, но дверь распахнулась мгновенно. На пороге стояла сама тётка Евдокия и встревожено смотрела на него.

– Решил, всё-таки, пустится в блудни, Коля? И музыку свою принёс: а не жаль, вот так, легко расставаться с Пристайкой? Родная, как-никак, с детских времён! – и, взмахнув с ресниц набежавшие капли, присела на лавку.

– Я же не на вечность иду, а на самые маленькие мгновения жизни, тётка Дуня. Познать себя хочу глубже и ярче, чем в этой безумности искать непонятно что. Так я, вот, захотел, и возврата нет!

– Упряма, как мать, и возразить нечего, кроме сожаления, Коля. Ты когда собрался в свой неотёсанный путь? Завтра, с утра? Если так, то вот я тебе в дорогу, на первые времена! – и она подала Николаю большой тканевый пакет.

– Там еда, и всё что необходимо человеку в пути. А музыку твою, я спрячу в нишу, что за печкой. Чтобы знал, где искать, если что!

– Никаких, если что, тётка Дуня! Вы меня вырастили после гибели мамы, так что, для меня вы вторая мать, и это, если что, безоговорочно, прочь!

– Коля, Коля! Да не дай бог, что с тобой, то я себе этого не прошу, что отговорить не смогла от этой затеи!

Он подошёл к тётке Евдокии и, обняв её, твёрдо сказал:

– Я за вас, моя родная тётка, всем глотки перегрызу, и не стану сожалеть об этом, чтобы не случилось! Всем так и скажите, если кто посмеет обидеть вас. И ещё: в любой трудности, обращайтесь к Степану Васильевичу. Он вас поддержит! И не будем кропить свои слезливые капли на мой путь, а улыбнёмся, до самых неисхоженных дорог, где всё в чистоте и силе!

– Ну, что ж, Коля! Смотри, и душу свою слушай: она знает даже то, что ты и подразумевать не можешь! Спаси и сохрани всё хорошее, и будь верен всему человеческому, что дала тебе жизнь! Слышишь, Коля?

– Только так, тётя Дуня, и по-другому быть не будет! – с этими словами, Николай, взяв сумку, резко повернулся к выходу и пошёл домой.

Ухажор обрадовано кинулся к нему лапами на грудь, и, почуяв, что-то неладное, заглянул ему в глаза.

– Что, дружок мой, расставание почувствовал? Так это мы исправим, ну, как только я вернусь! Но ты здесь обязательно слушай тех, кто будет другом, да настоящим! Понял, Жорик-Ухажорик?

Утро кинуло свой взгляд в окна, и рассвет прошёлся по комнате, затронув лицо Николая, зовя в начало дня.

«Встаём, Коля, встаём! И в путь-дорожку, по округам и далям-невидальным, как свет солнышка издалёка!».

Пёс, встревожено наблюдал за Николаем, и глухо зарычал.

– Терпи, мой друг, терпи! Мы все в терпении живём, и будем жить так, до самого нетерпения! А теперь, Ухажорик, храни наш дом от чужых посягательств и прочих нехороших действий. Девчонку храни-оберегай, по имени Селена, которая будет тебя кормить с тётей Дуней и, наверное, дружить до самой бесконечной дружбы! Пока, мой верный друг, пока! И – не скучай! – с этими словами, Николай прикрыл дом, закинул рюкзак на плечо, и пошёл, посвистывая и не оглядываясь на Пристайку.

День, ещё только желал вознести себя ввысь, как Николай почувствовал, что идёт не в сторону того края, где находится Сизый Луг.

«Доберёмся, долетим, дойдём на своих двоих, чтобы раскрыть в себе возможности, самые-самые настоящие! И отца найдём, и всё-всё что мне необходимо, тоже найдём! И по пути расширим свои пути, до самой высшей путности! Правильно, Николай, и только так!».

Лес за Пристайкой был звонким и уютным. Пели птички, да величественные ели и сосны приветливо шелестели густыми ветвями, одаривая взгляд своими зеленоватыми шишками.

«А что за ним, этим будущим результатом, да за этой скрытой истиной, то есть, за глубиной моего поиска? Что хранится в сознании прошлого мира, который и под этой синевой мне открыться не пожелает? Фу! Отвлекись, Коля, отвлекись от этих неясных дум! Иди по своим ожидающим делам, до самых выполнения задач, что предоставила жизнь! Вот, какая высь в расцвете открылась, а ты о чём-то, иллюзорном и непонятном! Пришла пора понимать мир с объективной стороны в понимании всего, что ждёт впереди! Вот так, Коля-Колечка, родимый ты мой, до самой высокородности!».

Ветерок подул с юга теплом, и небеса убрали из своих полей облака, и солнце, приподнявшись над лесом, открывало дыхание дня.

Николай сошёл из этого лесного начала на еле видимую колею и направился дальше по этой, еле заметной дороге.

Впереди виднелся ржавый придорожный знак, на котором смутно виднелась надпись: СТАРАЯ ГУКОВКА.

«Может и мне гукнуть, кого-то ещё, на чистоту этого утра, для разбавления одиночества?» – непринуждённо засмеялся про себя Николай и пошёл по зовущему лесу.

Лес, проникая в Николая своим зовом глубже и глубже, казался действительно приветливым, что по иному, и быть не могло.

Среди густых хвойных и лиственных деревьев мелькнуло какое-то строение. Будто, невысокое, бревенчатое, но издали рассмотреть было невозможно.

Николай решил подойти поближе и сквозь хвойные заросли увидел довольно крупное, посеревшее от времени, строение. Дом не дом, а что-то похожее на жилище. Двери, немного

скошены вниз, но целые и, видимо, когда-то были крепкими в защите. Окна, не все ещё держат в себе стёкла, но укрыться от непогоды здесь было можно. Годы уже поухаживали своей брошенностью и заселили растительностью всё что смогли.

Он заглянул в строение и начал внимательно его осматривать.

«Кто же здесь мог обитать? Давай-ка Коля, представим и оценим своим зрением да умом! Стол здесь стоял посредине, и две кровати, сбитые из дерева, кое-как. Но отдохнуть здесь было можно, что всегда пожалуйста! Вот, даже печка в углу: топи, грейся, сколько хватит дров. Дача, и весь ответ!» – засмеялся он про себя и взглянул на потолок: он зиял провалами, обнажая этим свою временную старость.

«Хижина это, вот что это такое! А для чего в лесу торчит, то спросить здесь можно у неба, что смотрит яркой синевой сквозь дикие щели крыши!» – мысленно ответил себе Николай и оглянулся.

Ему показалось, что кто-то рядом тяжело вздохнул, сильно и веско, и напряжённо задышал. Как будто в этом строении находится существо, но в ином невидимом измерении.

Николай, ещё раз оглянулся, но рядом небыло даже намёка, на что-то, неясное. На крыше исполняли свои напевы птички, не боясь присутствия человека. Комариные тучи надоедливо садились на лицо Николая, как на свой личный запас торжества. Запоздалый к радости ветер, так же стремился гудеть сквозь разбитые окна. Запустения и развалы этого строения виделись во всём, без альтернативы на будущую и верную жизнь.

«Да! Эта хижина из хижин! И кто её здесь в этой глуши сколотил, и зачем, для каких таких целей? Для меня, заблудившегося в самом себе, или для тех, что очень желают сокрыться от тоски и наваждений шумящих городов, в объятия тишины и покоя леса?».

Сердце Николая застучало громко и сильно, что казалось, его слышит весь этот лес, который высится за стенами этого строения.

– Пора скорее уносить отсюда ноги, пока они ещё не унесли, куда-нибудь, в иное, «счастливое» место. Всё-таки, кажется, что эта хижина радости ко мне не проявила. Видимо, надо быстрее в эту Старую Гуковку, а там, на автобус и куда требует мой умнейший разум! – с сарказмом к себе, прошептал Николай и шагнул из этого строения.

Но уйти ему не дал неожиданный чужой разговор из-за внешнего угла этой хижины.

– Ха! Да, прав был Бальзак, когда сказал, что когда все вокруг горбатые, то и стройные покажутся уродами! Вот и эта обитель, такая, вот. Был мир здешний цел и высок, а теперь, что горбатый! Взглянуть на него, даже желания нет, и будто мы с тобой теперь горбатые!

– Ты ещё и Бальзака какого-то знаешь? Встречался с ним, или как?

– Да, бывало! Когда я был ещё Гобсеком! – ответили кто-то и громко засмеялся.

Где-то в лесу, неподалёку, закуковала кукушка, да так ясно и чисто, что от этих неизвестных плохого и быть ничего не могло. Но, всё же, вонзилась Николаю мысль, тревожная и настороженная: «Вот и гукнул я себе на счастье! Кто эти двое, и двое ли их? Ты же Коля мастер угадывать характеры людей, так что, давай, оцени этих двоих. Ты их должен вычислять по тембру голосов, мгновенно! Пускай, по словам, но ты обязан их просчитать, что это за люди! Обязан сам перед собой, и мгновенно! Лес неизвестности не любит, так что, напрягись!».

Он осторожно шагнул к окну и увидел двух мужчин среднего возраста, стоящих рядом с этим строением.

«Высокий, то, кто это? На лице ещё хранится былое воспитание, а тот, второй, то кто? Кажется, что он способен на всё, даже безумные действия, или нет? А рядом, вот-вот, дальше, под рябиной лежит, то кто это может быть? Кажется, что это мужчина, немолодой, со связанными руками и в разорванной одежде. Вот и гукнул я Гуковку так Гуковку, которая так неожиданно встречает меня на своём пути!».

Эти, двое, постояв перед этой хижинкой, подошли к лежащему человеку и один из них, толкнул его ногой.

– Ну, что, отдохнул перед исповедью, или тебя так и оставить здесь, для подкормки комарам да мошкам? Отвечай, когда с тобою люди разговаривают! Ты, что же, думаешь, что мы в игры играем? Бирюльки тебе будут позже! Гадина ты, от которой избавиться надо было, и давно! А мы вот, терпим! Но время пришло, незабвенный ты наш баснописец. Уморил ты нас всех, до самого последнего уровня терпения. Всё, хватит! Вот здесь мы тебя и оставим, на пару дней, чтоб смог одуматься и осмыслить своё поведение среди настоящих людей. Правильно же я говорю, Боря?

– Конечно, правильно, Гриша! Ты как всегда прав, и думать по-другому нельзя!

– Да! Но развалился этот приход, или, как там его звали раньше, не помнишь?

– А кто об этом сейчас помнит? Кто сейчас помнит этого чудака, что жил в таких ущемлениях условиях? Может, ты помнишь? – обратился он к лежащему человеку и опять толкнул его ногой.

Мужчина, со связанными руками, тяжело вздохнул и, с трудом поднявшись с лесной земли, ответил:

– Тебе это знать, что хлебнуть стакан мышьяка, да и без закуски! – и так захохотал, что эхо охотно засмеялось в ответ.

– Чёрт с ним! Пускай похочет пару дней, если мы, конечно, ещё вернёмся! Вот, глянь, подвал-то ещё целый! Давай туда его, эту чёртовую горделивость, что возомнила о себе чёрте что! И сумку его туда, для восхищения темноты, пускай там и развлекается! Ха, ха, ха! – развеселился Гриша и потащил связанного мужчину к подвалу.

– Ну, вот ты и приобрёл своё уютное созерцание, как на твоих ценных публикациях!

Мужчину втолкнули в подвал и закрыли дверью, которая была крепка, как слова этого Гриши.

– Всё, теперь пиши, рисуй всё, что вздумается в твоей одурманенной голове. Сумка, правда, остаётся снаружи, но это уже на твоей совести! Даём тебе два дня на размышление. Надеюсь, что ты вскоре одумаешься и станешь верным, как репейник на штанах, да на том месте, которое знаешь сам! – он уверенно стукнул кулаком по двери подвала и жёстко сказал:

– Боря, кинь ему бутылку воды, а то ещё от жажды согнётся и где тогда прощение искать? В каком-таком подвале, где и жизнь растечётся по мышьяким норам, что и при желании найти невозможно! Да так складно и скрытно: была она и вдруг, да и нет её! Красота тебя здесь ожидает, красота, ненадёжный ты наш, да жадная такая, что быстро вспомнишь, зачем ты здесь!

Боря, приоткрыл дверь подвала и, бросив туда бутылку, крикнул:

– Терпи два дня, и мы придём, как святые спасители тебя, самого драгоценнейшего упыря и глупца! Всё, отдыхай, набирайся величайших сил в бессилии своём! – и сплюнул в сторону крепкой двери.

Они нашли кусок проволоки и, вместо замка, закрутили нею петли двери подвала, подперев ещё и грудой камней, для надёжности. Потом, не оглядываясь, молча, пошли, топя ногами, в свой возвратный путь. Казалось, что им, этим двоим, эта процедура с мужчиной, была не очень-то и нужна. Сухие ветки, жалко потрескивали под твёрдым ходом этих мужиков. Всколыхнулась за ними затронутая рябина и сокрыла, удаляющихся, жёстких людей и будто с облегчением вздохнул за ними лес.

«Вот тебе Коля и задача, которую ты так неожиданно встретил! Как ты сам себе говорил: «больше проблем – больше позитива». Вот тебе и позитив, такой как есть!».

Он решительно шагнул за угол домика и, оглянувшись вокруг, подошёл к двери подвала. Убрал груды камней и, раскрутив проволоку, распахнул дверь и громко крикнул в темноту:

– Мужчина! Выходим, выходим отсюда, да веселее! От этих ваших узурпаторов, ожидать можно всего!

Из повала, вместо ответа, откликнулось глухая тишина, которая брызнув эхом, замолчала, обдав сыростью и жуткостью тлена.

Николай ещё раз позвал мужчину, но ответа небыло. Он достал из рюкзака фонарик и, опустившись в подвал, осмотрел это сырое помещение. Подвал был невелик и совсем пустой, но в его окончании, с боку, зияла не очень большая дыра. Николай быстро к ней подошёл и вылез с подвала. Осмотревшись вокруг, он увидел мужчину, над которым издевались ушедшие люди. Он лежал под рябиной и жёстко, со стоном, глядя на Николая, тяжело произнёс:

– Что, ещё один прибавился к моим издевателям? Сколько же вас гадов есть на мою душу? Не поперхнётесь, иуды?

– Нет, я не с этой оперы, что вам здесь пропели да кинули в объятия подвала. Я шёл в Старую Гуковку по своим делам, и вот дошёл до непонятной, лично мне, истории с вами. Давайте, мужчина, поднимайтесь скорее и хода отсюда. Ваши недруги могут вернуться в любой момент.

– Могут! От этих гадов можно ожидать всего! – ответил мужчина и, с трудом поднявшись на ноги, спросил Николая:

– Вам-то всё это зачем? Эти и вас могут закрыть, и не только в подвал, а и навсегда, туда, куда им вздумается, без вопросов с их стороны!

– Сумку, мужчина, быстрее взяли и давайте отсюда, да веселее! А дверь я сейчас обратно на проволоку закручу, как и была, да камни назад, пускай думают, что вы ещё там.

Николай быстро закрутил дверь проволокой и, подперев их камнями, произнёс:

– Вот, теперь и в жизнь не подвальную, можно! Вперёд, до самой настоящей, без сырости и тьмы! Но, туда, куда вы знаете, или ещё дальше, да хоть куда!

– Не хоть куда, а туда, куда тебе парень и надо! В Гуковку эту, что вот за этим лесом молчит, как будто, я стал ей чужой, и свергнут из мира сего, да навсегда! Но я жив, и верен долгу своему, перед самим собой! А ты то, парень, кто такой и чем занимаешься для пользы человечества? – тяжело двигаясь, спросил мужчина Николая.

– Я? Для пользы человечества, я занимаюсь, вот этим, что сейчас. А так-то, ничем, и всем, что в мире есть! А точнее: то я бездельник, и сам незнаю, зачем мне это надо! Меня профессия ожидает, где-то, за кулисами жизни, как девушка, влюблённая в любовь, до самой высшей нетерпимости.

– Тихо, тихо! Сороки подали стрекотом знак: слышишь, парень? Значит эти, всё-таки, возвращаются за моей душой, не для восхищений, а за чем то, более жутким и страшным! Давай-ка, парень, вернёмся и посмотрим на их искривленные лица, но осторожно, и очень!

– И за что вас так жестоко кинули в подвал? – приглушив голос, спросил Николай мужчину.

– За что? Эти найдут за что! Я простой библиотекарь, а не какой-то разбойник с большой дороги. Но, это потом, а сейчас, быстрее к Праведнику Омелию, то есть, поближе к подвалу.

– К Праведнику Омелию? Это, что, так зовётся подвал? Или там жил, когда-то, такой праведник?

– Да, Омелий! И звали его Праведником. Но он жил не в подвале, а в этой обители, что теперь в разрухе. Всё, молчим! Эти могут быть уже, где-то, совсем недалеко.

Николай с мужчиной осторожно вернулись к бывшей обители и, спрятавшись в кустах, стали ожидать. Вскоре послышался топот шагов и треск ломающихся веток.

– Вот они, бредут, как ни в чём не бывало, мои экзекуторы! Совесть, или раскаяние им чужды, тогда, что их заставило вернуться, и почти сразу? – прошептал напряжённо мужчина и, задрожав, вытер ладонью глаза.

– Гады, что таких ещё поискать! Боюсь я их, и очень, парень, дорогой ты мой. Как мне выстоять перед этой вражеской бедой? Как? Ох, и где силы то взять? Всё, молчим, парень!

Прошелестели кусты малины и из-за них появились эти два человека.

– Ух, ты, смотри, а сумки-то и нет! Свистнул, кто-то, пока мы суетились, что делать с

этим непримиримым? И куда могла она подеваться эта дрянная муть, а, Гриша? – заглянув под кусты, спросил Боря.

– Да кто её мог свистнуть, да ещё в этой дырявой глуши, да ещё за такое короткое время! Мы ведь ушли отсюда, только-только, как будто и не уходили совсем. И дверь-то, смотри, закручена на совесть, как и была, да и камни на месте! Зря мы вернулись, зря! Пускай бы он ещё развлекался здесь парочку дней: одиночество даёт разум любому заблудшему, даже такому, как этот! – твёрдо ответил высокий Гриша.

– Да, жалеть можно, но не всех подряд, и не всегда!

– Ты знаешь Боря, что такое суицидальное мортидо, или нет? Это он обо мне, таким сильным и жизнерадостном человеке, Да на всю Гуковку так обесславил, что я будто хочу смерти всем, и даже себе! Почему я кого-то должен лишать жизни, да ещё и себя, и всех в нагрузку? Такое мог придумать, только умалишённый человек, в котором мозги вывернулись наизнанку, как в барана перед шашлыком! И за такое, да прощать? Да и тебя ко мне приплёл, как ни в чём небывало! Но моё либидо – неразруσιμο никем и я, ни за что его не упущу! Вот так, Боря! Ты догадался, почему мы вернулись сюда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.